

Выпьем, добрая подружка

В сулицком замке Дантесов принимали по-пушкински. Но с французским размахом. "Страсбургский пирог нетленный", гусиную пеньчень заливали редчайшим белым вином, которое хранится только в здешних подвалах. "Как ты можешь намазывать фуа-гра на хлеб ножом?" — ужасается моему невежеству барон Лотер. — Это едят вилок. Если бы на моем месте был Пушкин, известный знаток этикета, он бы немедленно вызвал тебя на дуэль!"

Ах, если бы здесь был Пушкин. Надеюсь, мы поладили бы...

Тем более что третий в такой ситуации никогда не лишней.

Седьмую бутылку баронского вина вперемешку с "креманом" — эльзасским шампанским — мы с Дантесом распили уже под утро.

Проговорив в общей сложности около 22 часов. Весь вечер. Всю ночь. И весь следующий день кряда. В перерывах между вопросами Дантес читал свои стихи. Под мерцание оплавленной свечи. И почему-то под бетховенскую "Лунную сонату".

Разве это не поразительно: ни один из многочисленных потомков Пушкина, боясь сравнения со знаменитым пращуром, не написал ни строчки. А праправнук его злейшего врага уже издал первый поэтический сборник "Борьба и чувства" — смертельно раненному Пушкину посвящается.

Или иной вариант названия — "Погнубить вместе с Пушкиным". Весьма символично.

Хотя стихи нашего главного русского классика сам барон читал только в переводе. В очень плохом переводе на свой родной язык.

Почему-то именно Пушкина французы переводят отвратительно. Наверное, для того что-бы было совсем уж непонятно — чего это русские так долго по нему страдают?

— Я не Пушкин, конечно, но все 500 экземпляров моей книги уже распродали в Париже, а это по нынешним временам, когда никто не читает книг, — совсем не шутка, — гордится барон Лотер. — Хотелось бы верить, что люди купили мой сборник ради моих собственных мыслей и чувств, а вовсе не из-за того, что я потомок "того самого" Жоржа Дантеса.

— Я искала вас так долго, больше года, — перебивает господин барона.

— А чего меня искать? — удивляется он. — Дантес — очень редкая для Франции фамилия. Честно говоря, мы одни такие. Александр Дюма назвал почему-то своего героя Эдмоном Дантесом, но смею утверждать, что тот нам не родственник. Фамилия эта, если переводить с немецкого языка на русский, не слишком благозвучная, Уткины мы. На старинном дворянском гербе у Дантесов, что у входа в сулицкий замок, изображены летящие утки. А я живу в Нанте, хотя фирма моя находится в Германии. У меня завод по переработке мусора, прибыльный нынче бизнес. На поэзии, сама понимаешь, много не заработаешь...

Нет, весь я не умру

Как долго я его искала... С того самого дня, как год назад в Париже в мастерской художника-эмигранта Ильи Дронникова увидела на стене барельефное изображение солидного седовласого господина. Рядом висела копия с посмертной маски Пушкина.

— А это портрет старого Дантеса, — кивнул Дронников на барельеф. — Я делал его с подлинной фотографии, которую мне как-то принесла праправнучка барона.

Однако поспешив в ее поисках художник не захотел. Уже в России я обзавелась несколькими пушкинскими музеями тоже с просьбой помочь найти нынешних баронов де Геккернов. Но и там получила категорический отказ.

"Вы не имеете права писать о детях Дантеса. Это подло!" — с чувством произносили ученые дамы. — Тех, кто пытается с ними связаться, мы презрительно величаем "дантистами". Мы обязаны подвергнуть имя убийцы Пушкина полному забвению, и это будет наша ему мсть!"

Господи, так два столетия прошло с тех пор. Неужели же не пора расставить все точки над "i"? Даже серьезные маньяки в нашей стране получают сегодня право на суд присяжных. А ведь Дантес, кажется, не был серьезным маньяком.

"Но никто не забыт и ничто не забыто!" — разгневанно кидали ученые дамы разгоряченные телефонные трубки.

Как все это странно, продолжала думать я. У Дантеса остались дети и внуки. И род его спокойно дотянул до сегодняшнего дня. Они ходят на работу, ездят в машинах, читают газеты, смотрят телевизор и, может быть, на досуге даже размышляют иногда о своем месте в русской истории?

Как это странно и возмутительно, если следовать логике наших ученых-пушкинистов...

Хотя что тут, собственно, странного — те же потомки Пушкина распространили по всему миру, среди них есть даже китايцы.

И они тоже наверняка смотрят телевизор...

Но если Пушкины на службу, то о Дантесах практически ничего не известно. Кроме того, что крупный литературовед Павел Щеголев еще в тридцатые годы XX века говорил с его внуком, Луи Метманом, сыном Матильды Метман, старшей дочери Дантеса и Катерины Гончаровой, родной сестры красавицы Натали.

Сложно все у Пушкина с Дантесом, перепутано. И кружевное переплетение их судеб, и их дети, ставшие родственниками по крови, по своим матерям, но, как оказалось, до сих пор не подающие друг другу руку...

В большом интервью нашего обозревателя Марины Райкиной с прапраправнуком Пушкина и его полным тезкой, живущим ныне в Брюсселе, вдруг проскользнула случайная фраза, изменившая ход моих поисков и давшая надежду, что Дантесы все же вполне живые люди, имеющие почтовый адрес.

— Вы знаете, что хотят на будущий год сделать потомки Дантеса в Сульце? — говорил Александр Пушкин. — О! Это будет праздник, такие торжества. И в конце потомки Пушкина подадут руку потомкам Дантеса.

— И вы подадите?

— Можно будет поехать, посмотреть, но сказать, что подам руку? Это невозможно. Я не хочу шокировать Россию.

Итак — эльзасский Сульц. Конечная остановка. Родовое гнездо первого Жоржа Дантеса, то место, откуда в начале 30-х годов позапрошлого века он бежал за "чинами и славою" в далекую заснеженную Россию.

И куда вернулся после дуэли в 1837 году. Наверное проклятый русскими. Полгода спустя к мужу приехала беременная баронесса Катрин. Проклятая собственная сестрой, вдовой, Натали.

Чиновница мэрии Сульца Мария дос Сантос чрезвычайно удивилась телефонному звонку из России. "Да, мы знаем сегодняшнего барона Лотера, праправнука барона Жоржа. Но не уверена, что он захочет встретиться с вами, — твердо заявила она.

— Это предвзятое отношение русских к Дантесам... Оно совершенно несправедливо. Оно отталкивает туристов от старого замка и портит всю историю нашего мирного и уютного городка. Тем более что никто из Дантесов тут больше не живет. Они продали все, что имели, городу и уехали отсюда, начав абсолютно новую жизнь. Только один барон Лотер еще помнит о прошлом. Впрочем, я передам ему ваш e-mail".

Он ответил на следующий же день, с аристократическим изяществом и точностью, словно тоже ждал моего письма всю жизнь: "Приезжайте. Я жду вас в Сульце".

В поле бес нас водит, видно

— Боже, я так и думал, что эта русская идиотка все на свете перепутает, — барон Лотер казался явным раздосадованным. Еще бы, мы заранее договорились, что он заберет меня с вокзала в Милузе, что в двадцати километрах от Сульца, в два часа дня, специально сделал крюк аж в тысячу километров из Тулузы в Германию, куда он едет на свой мусорный завод.

Барон был готов поговорить с русской журналисткой всего лишь пару часов, именно столько у него нашлось свободного времени. Ни секунды больше. Он ведь серьезный бизнесмен.

Белые розы на могилу Кати Гончаровой...

...ставшей баронессой де Геккерн (портрет слева).

Конечно, я согласилась со всеми условиями. Но никто не виноват в том, что мы с переводчицей-французенкой, рассказывающие о превращениях русско-французской истории, в семь утра сели на поезд, который отправлялся вовсе не в Милузу. Он ехал в отстойник для других поездов, без пассажиров и машиниста. В никуда. В исторический тупик.

И теперь, вместо того чтобы на всех парах мчаться к моему Дантесу, мы с переводчицей Люсиль куковали на рельсах. Дожидались службу спасения и французскую полицию, я меланхолично поела бутерброды с сыром. Люсиль нервно объяснялась с Дантесом.

— Извините, месье барон. Эта русская журналистка и правда не в себе. Что она делает? Она читает вслух стихи, месье. Что-то про рассеянного пассажира, который сел не в тот вагон, надев себе на голову сковородку. Она говорит, что у русских крейзи так принято. Нет, вряд ли это стихи Пушкина, в его времена поезда еще не ходили. О да, мы так переживаем о случившемся...

— Переживать — это очень по-русски, — усмехнулся Дантес и полощил трубку. Предварительно объяснив, что из-за моей расхлябанности ему придется теперь заночевать в Сульце. Не может же он лишить миллионы русских читателей долгожданного интервью с собой?

Зато вместо двух часов разговора по моей вине у нас окажется целая ночь в запасе. Потому что я тоже останусь ночевать в замке. В спальне первого Дантеса. И пусть призрак прапрадедушки Жоржа, так сказал месье барон, пощекочет мне пятки в наказание. "Она не блондинка? — спросил Дантес у переводчицы. — Я так и думал, блондинки всего мира одинаково глупы. Поэтому нам, Дантесам, всегда нравились брюнетки!"

...Только через 8 часов наш поезд подошел к Милузу. В единственном цветочном магазине на вокзальной площади я купила две белые розы, чтобы положить их на могилу брюнетки Катрин Гончаровф.

Корреспондент "МК" первым из русских журналистов встретился с праправнуком убийцы Пушкина

У барона Лотера даже вино именное.

на то и петушок, чтобы курочек топтали! Да, я слыл негодям в ранней юности. Но я любил эту землю, этот дом, этот воздух, и, боже мой, вряд ли я уехал бы когда-нибудь отсюда добровольно... Но мы отвлеклись от темы нашей беседы: разумеется, когда мне не хватало комнаты, я не ночевал на улице — как только управляющий узнал мою фамилию, свободный номер в отеле тут же нашелся.

Увидев в моих руках две белые розы, месье барон строго заметил: "Это кому?"

— Тезке Катрин. Мы ведь едем на ее могилу? — Да, на ее, — барон задумался. — Там есть еще могила Жоржа Дантеса. Почему же вы не захватили цветов ему? А я знаю, наверняка потому, что вы его ненавидите. Как все русские.

— Восстает. Просто в России женщины не дарят цветов мужчинам. Даже мертвым.

Любовь к отеческим гробам

Католический Христос безнадежно взирал на входе со своего вечного креста. В самом углу городского кладбища, за сравнительно свежими холмиками, располагался семейный уголок Дантесов, унылые ряды могил под тяжкими серыми плитами. Почти вся территория семейного склепа занята. Остались места лишь для трех-четырех новых погребений. Дальше — уже ограда.

— Вы знаете, кто будет здесь еще лежать? — спрашиваю я барона.

— Я и мои дети, — буднично отвечает он. — Это вовсе не тяжело с детства видеть место, где ты будешь похоронен. Так надежнее. Хотя мои братья и сестры, другие родственники не вернутся сюда после смерти. Не хотят. А я ничего не могу с этим поделать.

Могила старшего Дантеса в самом центре. От него до Катерины добираться далеко. До названного отца, голландского посланника в России Луи де Геккерна, гораздо ближе.

Конечно, ведь они умерли почти в одно время. С разницей всего в 12 лет, что в глубокой старости уже не так важно. Де Геккерн, усыновивший бедного эльзасского дворянина Дантеса, ушел из этого мира в 1884 году. Его приемный сын, первый барон Жорж, сенатор Франции и мэр Сульца, в 1895-м.

Больше чем на полвека Дантес пережил свою вечную жену, Екатерину Гончарову, скончавшуюся от родовой горячки в возрасте 34 лет, на следующий день после рождения младшего сына Жоржа. Единственного из четырех ее детей с Дантесом, чьи потомки дожили до сегодняшнего дня. Барон Лотер — его родной правнук.

Как просила Катерина, чтобы этот ребенок появился на свет! Как ходила босиком — осенью, на девятом месяце беременности — за пять километров от замка в католическую церковь, чтобы вымолить у божьей матери его рождение.

Она шла по узенькой тропинке из едкого лютика, что растет здесь вволю. В чужой храм. Вспоминая про себя православные молитвы. И полузабытые лица своих сестер.

Три юные девочки Гончаровы, Кокко, Азинька и Таша, танцующие на первых балах у Йогеля. Три тонкие барышни-парки, что прыли на Каменном острове осенью 1836-го судьбу русской литературы. Три девицы под окном. Три — роковое для Пушкина число.

Старшая, Катя, с детства читавшая и понимавшая стихи своего зятя. Некрасивая Катя, бесприданница, влюбленная в блестящего французского гвардейца и не смевшая надеяться на его взаимность. Как смешно и нелепо пыталась она столкнуть Дантеса и Натали, чтобы хоть издали полюбоваться его влюбленным взглядом. Обращенным к другой.

Новобрачная Катрин Дантес, единственная из Гончаровых, что знал о назначенной дуэли. Но, связанная обетом молчания, она так и не предупредила о ней свою красавицу сестру.

Как ждала она потом, в добровольной эмиграции, писем с родины от Натали Николаевны. А та ей ни разу не написала.

Пусто, холодно, збюко у этой могилы. "Он совсем не любил ее?" — спрашиваю я у барона Лотера. Дантес сразу понимает, о чем я. Кто этот он. И кто она.

— Почему нет? Есть святая любовь, безумная, которая случается один раз в жизни. По крайней мере у нас, Дантесов. Так мой прапрадед любил Натали. А есть любовь-дружба, любовь — уважение к матери своих детей. В день рождения старшей дочери Матильды Жорж приказал посадить огромный дуб у балкона их общей спальни с Катрин. Он цветет до сих пор. И потом, после смерти жены, у Дантеса было много любовниц. Но ни одну из них он так и не назвал баронессой. А это что-то да значит!

Но я все думаю о босой беременной женщине на дорожке из едких лютиков. И о прощении, которое Катя так и не вымолила у французской Нотр-Дам...

Могилая плита Катерины кажется светлее остальных. "Конечно, ведь ее меняли из-за ошибок в надписи, — говорит барон. — Баронесса до последнего скрывала свой возраст, потому что была старше мужа почти на четыре года. И даже после смерти ей убавили два года, написали, что умерла в 32. И то, что она по фамилии Дантес, на плите тоже забыли поставить. Пришлось переделывать".

Я кладу цветы у изголовья. Туда, где уже стоит крошечный горшочек с засохшими фиалками. Вдруг замечаю, что глаза Лотера Дантеса за стеклами очков становятся влажными. А он не так уж и неуязвим и колол, этот месье барон.

— Могила Катрин не самая моя любимая здесь, знаете, — неожиданно говорит он. — Вон там, у самой ограды, лежит моя первая учительница. Это не принято — хоронить в дворянских склепах нечеловечески, но ее я приказал положить именно здесь. Она была мне ближе, чем мать. Она научила меня читать, писать, ценить и любить литературу.

— Арина Родионовна? — невольно восклицаю я.

— Кто такая Арина Родионовна? — пожимает плечами Дантес.

Конечно, он не знает биографии Пушкина. А я не смею поверить, что не только у гениев бываю няни, которые их любят.

— Поидемте отсюда, уже поздно, — говорит барон. — Остальным моим родственникам нет никакого дела, что будет с родовым кладбищем и всеми теми, кто на нем был похоронен. Это ужасно больно знать, что твоё прошлое и ты сам никому не нужны.

Он уходит в машину, а его друг Филипп, нынешний владелец замка, тихо добавляет: "Все вокруг, что мы видим, — поля, холмы, леса — когда-то принадлежало Дантесам. Но налоги на недвижимость сильно возросли, а доходов у них не было. Работать Дантесы не научились из-за фамильной гордости. Им было проще остаться нищими. Они уехали в конце 70-х, оставив в запустении старый замок и похлябавшись в страшной обиде никогда не возвращаться сюда. Когда Лотер разбогател на мусоре, что было своего рода домашним позором, он пытался выкупить замок назад. Но его родные восстали..."

Я пытаюсь переменить тему и спрашиваю у Дантеса о его собственной семье.

— Моя семья — это мои дети, — говорит барон. — У меня нет жены. Я сам воспитываю своих четырех детей.

— Ваша супруга тоже умерла молодой, как несчастная Катрин? — поражаюсь я. — Вы прямо совсем как прапрадед.

— Нет, моя жена меня бросила ради другого мужчины. Так что я скорее как Пушкин, если бы Натали Николаевна все же оставила его и ушла к Дантесу, которого, я верю, искренне любила...

Екатерина САЖНЕВА, Париж—Сульц—Москва. Фото Дарьи КАРАТАЕВОЙ.

Что за проклятье довлеет над архивом Дантесов? Зачем барон Лотер собирается приобрести автомат Калашникова? Найдет ли он себе русскую жену? И почему, сочиняя стихи, всем компьютерам на свете потомок Дантеса предпочитает гусиное перо — читайте через несколько номеров газеты.